

Л.М.Дрейер 20 ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ХРАМА БАНА Одно из самых грандиозных сооружений средневекового зодчества Закавказья, лежащий в руинах кафедральный собор Бана (по-армянски Банак) в Тао, неподалеку от нынешнего села Пеняк на северо-востоке Турции, по-прежнему остается среди наименее изученных

- 36 -и в тоже время спорных памятников. Пожалуй, нет ни одного связанного с этим храмом вопроса, который бы не вызвал дискуссий, порой принимающих довольно бурный характер и иногда выходящих далеко за рамки искусствоведческих и вообще научных интересов. То внимание, которое уделяли Бана исследователи архитектуры Грузии и Армении, вполне понятно. Величественный храм приводил в восхищение современников и потомков. Достаточно сказать, что из-вестный немецкий путешественник и ботаник Карл Кох, посетивший Бана в 1843 году, отмечал: "Это, без сомнения, самое красивое и самое великолепное из всего того, что я видел в этом роде на всем Востоке, исключая Константинополя" (Цит. по: Такайшвили 1909,90). Один из ключевых памятников средневековой архитектуры на Кавказе, храм Бана, будь он более изученным, смог бы дать ответы на многие существенные вопросы развития грузинской и армянской архитектуры, в частности, касающиеся эволюции в этом регионе типа тетракона, окруженного кольцевой галереей. Напомню, что кроме Бана данный тип центральных зданий представлен на Кавказе знаменитым Звартноцем в Вагаршапате (воздвигнут Нерсесом III), чья объемно-пространственная композиция оказала решающее влияние на развитие типа, храмом св. Григория в Ани и церковью меньших размеров в Лякити (Албания, ныне на территории Азербайджана). Возможно, что и первоначальный храм в Ишхани, построенный также Нерсесом III, по своей композиции был подобен перечисленным памятникам (Т.А. Марутян полагает, что первоначально построенный Нерсесом в Ишхани (от которого сохранилась только восточная апсида), не являлся тетраконом с кольцевым обходом (См. Марутян 1978, 1989). В настоящее время мнения исследователей расходятся относительно даты возведения храма и дальнейших переделок, а также его национальной и конфессиональной принадлежности. Это затрудняет проведение реконструкции облика здания на каждом этапе его существования, что, в свою очередь, создает трудности для композиционного анализа и определения места памятника в истории средневековой архитектуры на Кавказе. До сих пор в Бана не проводились археологические раскопки, которые могли бы дать ценный материал, и поэтому многие вопросы еще не находят окончательного решения. Впервые о постройке храма в Бана в конце IX - начале X вв. сообщает грузинский историк первой половины XI века Сумбат Давитисдзе: "... Адарнасе, сын убитого Куропалата Давида, построил Бану рукою Квирике Банели, который был сделан первым епископом Баны" (Такайшвили 1909, 88). Царевич Вахушти Багратиони, историк и географ XVII века, в своей "Географии Грузии" также отмечает: "Выше Панаскерта на Банно-Панаскертской реке, в горах, находится Бана, ныне называемая Панаком. Здесь имеется храм с куполом, больших размеров, превосходно построенный, на красивом, хорошем месте. Он построен царем Адарнасе, и в нем похоронены цари. Сидел епископ, пастырь Панаскерта и всего Тао, Ольти и Нарумана или Наримана; теперь он в запустении" (Цит. по: Такайшвили 1909, 88). Епископы Бана играли важную роль в политической жизни Тао-Кларджети. Известно, что в Банском храме венчался царь Баграт IV (1027-1072) (Матиане Карт-лиса, 1970, 47). Кроме того, собор служил усыпальницей тао-кларджетских Багратидов. Из более поздних царей там похоронены Вахтанг

- 37 - IV (1442-1445) и его жена Сити-Хатун. Единственным очевидцем, оставившим описание Бана до его разрушения, был уже упомянутый К. Кох. Им был сделан также приблизительный рисунок плана. Вероятно, в середине IX века храм был превращен в крепость и приспособлен для обороны. Вследствие этого здание подверглось значительной перестройке, намного снизившей его художественные качества (была надстроена стена кольцевого обхода, а с восточной и южной сторон пристроены две башни) (Такайшвили 1909, 89). В таком виде оно стояло до конца 70-х годов прошлого столетия и оказалось разрушенным во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. Вскоре после этого Бана посетил Е. Г. Вейденбаум, а в 1881 г. - Д. З. Бакрадзе, который оставил описание храма и эскиз плана. Тогда здание уже было сильно повреждено. Купол рухнул; во многих местах была содрана облицовка. Позднее, в 1902 и 1907 годах, в Тао-Кларджети были организованы две экспедиции Московского археологического общества под руководством Е. С. Такайшвили, в ходе которых было составлено подробное описание сохранившихся частей здания (восточная апсида, примыкающие к ней центральные пилоны и довольно большой участок стены кольцевого обода), а также обмеры, выполненные в 1902 году С. Г. Клдидашвили, а в 1907 году - А. Н. Кальгиным. Кроме того, был сделан ряд ценных фотографий. Вплоть до настоящего времени материалы экспедиций Е. Такайшвили не утратили своего значения и остаются одним из

основных источников для изучения этого памятника. Уже после того, как область Тао Кларджети перешла к Турции, на руинах Бана побывали Н. и Ж.-М. Тьерри, совершившие несколько поездок в этот район. А в 1985 г. были опубликованы ценные материалы Р. Эдвардса, который дал подробное описание руин, произвел новые обмеры плана и зафиксировал фотографически нынешнее состояние памятника, подвергающегося дальнейшему разрушению (Edwards, 1985, 27-32). Как уже отмечалось, вопрос датировки храма пока остается открытым. Ряд исследователей, опираясь на сведения Сумбата Давитисдзе, относят время постройки храма к рубежу IX-X веков. У.Е. Такайшвили достоверность сообщения летописи не вызывает сомнения. Так же считают Й. Стржиговский (Strzygowski 1918, 121-125), Н.М. Токарский (1961, 132), Ш.Я. Амиранашвили (1963, 149-151), С.Х. Мнацаканян (171, 165-170), Н. и Ж.-М. Тьерри (Thierry, 1960, 12-13) и Р. Эдвардс (Edwards 1985, 27). Однако существует другая точка зрения, согласно которой храм Бана был построен в VII веке и восстановлен в период царствования Адарнасе (ок. 888-923 г.), о чем и сообщил Сумбат Давитисдзе. Впервые такую датировку предложил Г.Н. Чубинашвили в 1936 г. (1936, 58-70; 1958, 452). Ее придерживаются Н.П. Северов (1947, 189-190), В.В. Беридзе (Беридзе 1981, 52 Beridze, Neubauer 1980, 30), Р. Меписашвили и В. Цинцадзе (Mepisashvili, Tsintadze 1979, 65, 66, 94-97), Д. Туманишвили (Меписашвили, Туманишвили 1989), П. Закарая (1990, 5-53), Т.А. Марутян (1989, 167-203) и др. Эта гипотеза основывается на типологическом родстве Бана и Зварт-ноца (построенного Нарсесом III в середине VII века), и на стилистическом сходстве декоративного оформления этих храмов (в частности, в наружной аркатуре первого яруса). Как аргумент в

- 38 - пользу этой датировки использовалась близость композиционных решений аркады восточной апсиды Бана и аналогичной апсиды другого памятника VII века - храма в Ишхани. Обращалось внимание также на распространность именно в эту эпоху подковообразных арок, которые применены в Бана и Ишхани, и на "более архаичные" по сравнению с IX-X в. капители колонн Бана. И все же, по моему мнению, делать из имеющихся данных вывод о постройке кафедрала в VII веке еще преждевременно. Тем более нет никаких оснований для категорического утверждения Т.А. Марутяна, что храм в Бана был построен именно Нарсесом III (Марутян 1989, 195-201). Можно лишь предположить, что если строительство Бана началось в VII веке усилиями Нарсеса, то в этот период оно было доведено только до третьего уровня центральных пилонов, причем вряд ли уже тогда был положен свод между центральной частью храма и наружной стеной обхода. Завершение же строительства и освящение кафедрала следует отнести к периоду царствования Адарнасе, что нашло свое отражение в хронике Сумбата Давитисдзе. Единственное пока дошедшее до нас изображение Бана, сделанное до его разрушения, было недавно обнаружено среди росписи храма в Ошки. Но рисунок настолько поврежден в верхней части, что скорее ставит новые вопросы, не давая ответа на уже заданные. И поэтому сейчас невозможно со всей определенностью сказать, каким был внешний облик сооружения. Весьма приблизительный эскиз, выполненный К. Кохом (рис. 1), позволяет уточнить его плановую структуру, но не объемную композицию. Кафедрал Бана, как уже говорилось, в плане представлял сквозной тетраконх, окруженный кольцевой галереей. Диаметр храма достигал 38 м. Мощные центральные пилоны в пазах креста (5 x 5 м.) включали небольшие помещения, располагавшиеся в три этажа. Нижние комнаты, перекрытые крестовыми сводами, служили, очевидно, диаконником и жертвенником (с большей уверенностью это можно сказать о помещениях на восточной стороне). Своды в комнате северо-восточного и юго-восточного пилонов были со стороны алтарной апсиды, а также из северной и южной конх (рис. 2). Лестницы, устроенные в толще стен между приделами и алтарем, вели на второй этаж, где имелись по два помещения в каждом пилоне. Одни, прямоугольные в плане, открывались в центральное пространство двойными арочными окнами с колоннами посередине, другие - треугольные, открывались в галерею обхода также двойной аркой (рис. 3). Если первые служили, скорее всего, хорами, то назначение вторых неясно. Хоры также перекрыты крестовыми сводами, как и нижние часовни. Из помещений второго яруса выше шли лестницы, опирающиеся на внутреннюю стену кольцевого обхода и ведущие в комнаты третьего уровня, почти треугольной формы. Эти комнаты имели по два окна, также открывавшиеся в конхи (рис. 4). Обходная галерея охватывала нижние два яруса центральных пилонов и достигала 12,5 м. в высоту. Перекрыта она сводом двойной кривизны пролетом 3,2 м. С внешней стороны этот свод опирается на аркаду, связывающую сильно выступающие (на 1,7 м.) пилястры, приставленные изнутри к внешней стене обхода. Снаружи внешняя стена декорирована глухой аркатурой. Сейчас трудно сказать с определенностью, сколько граней имела стена. По данным обмера А. Кальгина, их было 28, и на его чертеже показано, что расположенные симметрично 4 грани (северная, южная,

- 39 -западная, где размещались входы в здание, и восточная, к которой пристроена поздняя башня) несколько большей ширины (рис. 2). Однако новые обмеры Р.Эдвардса (рис.6) показывают, что строгая симметрия нарушена, поскольку южная грань немного отклоняется к востоку, а западная - к югу, на что автор обращает особое внимание. Р.Эдвардс полагает, что внешняя стена должна иметь либо 30 граней, либо 31 (Edwards 1985,30). В северо-восточной части несколько граней декорированы фризом с мотивами винограда и гранатовых яблок. С юго-восточной и юго-западной сторон такой декор отсутствует. Центральное пространство храма - тетраконх с рукавами креста удлиненными бэмами шириной 4 м. Замыкается крест, четырем экседрами, три из которых опираются на четыре колонны (северная, южная и западная), а восточная - на шесть колонн. Колонны, поддерживающие экседры (рис.5 б.), были выполнены из привезенного материала, в то время, как все здание возведено из местного песчаника. Е.Такайшвили отмечает: "Камни колонн совершенно непохожи на камни облицовки храма, они очень твердой породы..." (Такайшвили 1909,106). Капители колонн двух типов, которые условно можно назвать "коринфским" и "ионическим". "Коринфские" капители завершают колонны, поддерживающие экседры (северную, западную и южную), а также приставленные к участкам внутренней стены обхода, непосредственно охватывавшей тетраконх. "Ионические" колонны (с волютами, завивающимися вверх) поддерживали алтарную апсиду и, кроме того, размещались в окнах второго яруса центральных пилонов. С начала нынешнего столетия неоднократно предпринимались попытки реконструкции первоначального внешнего облика храма. Я намерен остановиться на проектах С.Г.Клдиашвили, А.Н.Кальгина, Т.А.Марутяна, С.Х.Мнацаканяна и В.Г.Цинцадзе. Из указанных проектов, как представляется, не один не может быть принят безоговорочно. Согласно варианту С.Клдиашвили храм представлял двухъярусную ротондальную композицию, причем внешняя стена доходила по высоте до конхов сводов (что соответствует трем уровням центральных пилонов): она образовывала над круговым обходом еще одну кольцевую галерею. Второй ярус - собственно купол. Очевидно, галерея на втором этаже обхода появилась в проекте С.Клдиашвили под влиянием Т.Тораманяна, который дал аналогичное решение первого яруса в своей реконструкции Звартноца. Но в этом случае, как справедливо считает С.Мнацаканян, общая композиция сооружения резко отходит от основных тектонических принципов средневековой архитектуры (1971,65-68). Основной объем явно не масштабен по отношению к куполу (внешним диаметром 10,6 м.). Кроме того, купол можно увидеть, лишь отойдя на значительное расстояние от храма. С.Х.Мнацаканян далее отмечает, что при таком решении интерьер храма освещен крайне скудно. Прямой свет проникает внутрь только через окна барабана. Ясно, что подобный облик не мог стать первоначальным замыслом зодчего храма. Т.А.Марутян полагает, что реконструкция С.Клдиашвили отражает состояние здания после поздних перестроек, которые, по его мнению, имели место в пятнадцатом-шестнадцатом веках. То, что надстройка внешней стены обхода поздняя, почти не вызывает сомнений; характер кладки второго этажа, как видно на фотоснимках, заметно отличается от кладки ниже-

- 40 -го яруса (правда, мнения ученых относительно времени надстройки не совпадают - Е.Такайшвили относит ее к середине XIX века (Такайшвили 1909,88), а Р.Эдвардс - к периоду после XIII века (Edwards 1983). Однако у нас нет достаточных оснований утверждать, что верхний ярус тетраконха и надстроенная стена обхода вообще когда-либо объединялись общим покрытием. Очевидцы сообщали лишь о возведенных над галереей стенах (в которых, кстати, отсутствовали окна), а изображения храма, найденное в Ошкити, относимое к XI веку, не может внести сюда ясность, поскольку оно сильно повреждено именно в своей верхней части. Во всяком случае, та усовершенствованная реконструкция на основе проекта С.Клдиашвили, которая была опубликована во "Всеобщей истории архитектуры" (1958,452,рис.7), не может считаться приемлемой. Другой проект реконструкции храма был предложен А.Н.Кальгиным. Этот проект базируется на выполненных им обмерах руин памятника (1907), которые оказались более точными, нежели обмеры С.Клдиашвили. По реконструкции А.Кальгина здание снаружи было трехъярусным и ротондальным. Первый ярус - галерея обхода и два этажа центральных пилонов, второй ярус соответствовал третьему уровню пилонов, и наружный третий ярус - купол (рис.8). Однако и проект А.Кальгина не свободен от серьезных недостатков. Если графическое воссоздание первых двух ярусов может быть принято (причем, с оговорками, особенно после новых данных, полученных Р.Эдвардсом), то сего реконструкцией купола, поставленного на сквозную аркаду излишком расширенного за счет верхней галереи, согласиться весьма трудно. Предлагаемые А.Кальгиным формы купола совершенно нехарактерны и не имеют аналогов ни в грузинской, ни в

армянской архи-текстуре. Также нетипичны и четыре башни, в которых, по предположению А.Кальгина, размещались лестницы, ведущие в купольную галерею. На эти сомнительные черты реконструкции уже указывали С.Мнацаканян (1971,65-68), а также Р.Меписашвили и Д.Туманишвили(1989,95). Результаты обследования памятника на месте экспедицией Е.Такайшвили не позволяют принять решение А.Кальгина, так как не дают доказательств существования галереи вокруг купола. Ведь от лестниц, которые якобы вели на эту галерею, из угловых помещений третьего этажа пилонов, к тому времени сохранились лишь несколько ступеней (Цит. по: Такайшвили 1909,104). Скорее всего, назначение этих лестниц было иным. Желание разместить галерею вокруг купола продиктовано описанием храма Д.Бакрадзе, который отмечал следующее: "Кругом самогo купола, от основания его или от окончания церковной стены сверхушла старая галерея, сообщение между верхними комнатами. В одном месте этой галереи, именно в западной стене, род амбразуры вышту-катурен". И далее: "Внутри кругом галерея закрытая, вероятно, с двух сторон, с севера и юга. Закрытая осталась лишь с северной стороны" (Цит.по: Такайшвили 1909,93). Возникает вопрос, что же в действительности видел Д.Бакрадзе? Ответить на него можно только уяснив, что он понимал под куполом. Говоря о возведенных над круговым обходом стенам, Д.Бакрадзе сообщает: "Толщина надстроенных кругом стен Баны один аршин. Ширина галереи от этой стены до купольной стены - девять аршин" (Цит.по: Такайшвили 1909,93). Но это как раз расстояние между стеной, воздвигнутой над обходом истенной второго яруса, то есть можно полагать, что куполом он на-

- 41 - зывал именно наружный второй ярус. Подтверждение тому находим в еще одной фразе: " Барабан имел вид не круглый, а крестообразный, ибо полукруглая часть креста выступала в барабан полукругом"(Цит.по: Такайшвили 1909,95). Таким образом, становится понятно, что "закрытая галерея", которая шла "кругом самого купола", - нечто иное, как коридор, где размещались лестницы, соединявшие помещения второго и третьего уровня пилонов. Ничего удивительного в том, что Бакрадзе не будучи архитектором, допускал неточности в терминологии. Но это привело А.Кальгина к ошибочному решению. Проект реконструкции Бана, представленный Т.А.Марутяном, в своих основных чертах следует реконструкции А.М.Кальгина(рис.9). Здесь мы также видим купол, поставленный на сквозную колоннаду и галерею вокруг нее. Правда, в отличие от автора предыдущего проекта, Т.Марутян делает купольный барабан шестнадцатигранным, а также отказывается от примыкающих к нему четырех башенок, где, по мнению А.Кальгина, должны были размещаться ведущие на галерею лестницы. Однако в результате этих изменений реконструкция Т.Марутяна, хотя и выглядит более стройной, но не становится более обоснованной. Не спасает положения и другой вариант решения купола, отдаленно напоминающий купол церкви в Чанг-ли. Попытка обосновать подобное строение купола упоминанием верхней галереи Д.Бакрадзе не может считаться удачной. Увеличение ширины верхнего барабана, исходящее из предположения, что соотношение диаметров купола и барабана первого яруса, которое должно быть таким же, как и в других сходных памятниках - Звартноца и Гагикашене (один к трем), - на мой взгляд, тоже не убедительно, поскольку и размеры подкупольного квадрата в указанных храмах больше, чем в Бана. Основываясь на обмерах А.Кальгина, свою реконструкцию предложил С.Х.Мнацаканян (рис.10). Он полагал, что галерея, виденная Д.Бакрадзе, - это кольцевая площадка у основания барабана, образованная выступом подкупольного кольца парусного перехода за счет некоторого увеличения диаметра купола. В качестве примеров аналогичного решения предлагаются армянские памятники Рипсиме и храм в Аруче. В Рипсиме сохранилась баллюстрада этой "галереи", и "именно на эту... площадку выходили сделанные в толще стен проходы"(Мнацаканян 1971,67). Однако в проекте реконструкции Бана, предложенной С.Мнацаканяном, таких проходов нет, и не совсем ясно, каким образом можно проникнуть на площадку. Кроме того, по словам Д.Бакрадзе, "внутри кругом галерея закрытая". А площадка, о которой говорит С.Мнацаканян, не соответствует этому описанию. Второй ярус храма в своих внешних очертаниях приобретает у С.Мнацаканяна слабо выраженную крестообразность. Но этим упускается из виду наличие лестниц, ведущих из помещений второго яруса пилонов в комнаты третьего яруса. А из обмеров А.Кальгина следует, что эти лестницы примыкали к внешней стороне стен пилонов, огибая их. "Лестница... значительно расширяясь, ведет в третий ярус между двумя концентрическими стенами, приводя в комнату почти треугольной формы" (Такайшвили 1909,104). В проекте же С.Мнацаканяна доступ в верхние помещения оказывается закрытым, и объяснения этому странному решению найти не удастся. В довершение всего, внешние очертания апсид при таком построении второго яруса храма был ротондальным, как это изображено у А.Кальгина. Мы ви-

- 42 -дим, что указанные недостатки делают реконструкцию

С.Мнацаканяна убедительной. Еще один вариант реконструкции Бана - проект В.Цинцадзе (рис.11). Автор предложил свое решение, исходя из датировки храма VII веком. (Mepisashvili R., Tsintadze V. 1979,94). Отсюда появившиеся в проекте характерные именно для той эпохи элементы: шлемо-видный купол и восьмигранный барабан с троповым переходом от четверика к восьмиерику. Второй ярус, по мнению автора, был крестообразным; во внешних массах подчеркивалась композиция тет-раконха. Но чтобы достичь предполагаемого соответствия внешних и внутренних форм, автору пришлось изменить контуры апсиды (бездостаточных на то оснований). А это явно противоречит данным обмеров А.Кальгина. Кроме того, такое решение второго яруса не учитывает наличие лестниц, ведущих в верхние помещения устоев. Становится очевидным, что и последний проект реконструкции не может быть принят. Нынешнее состояние изучения Банского кафедрала позволяет высказать лишь некоторые замечания общего характера относительно первоначального облика. Более детальный анализ возможен только после всестороннего исследования памятника на месте. До сравнительно недавнего времени казалось, что воссоздание форм первого яруса не представляет значительных трудностей. Единственным источником для построения плана служили материалы экспедиций Е.Такайшвили (прежде всего, обмеры А.Кальгина, согласно которым план отличался строгой симметричностью относительно оси восток-запад). Как уже говорилось, по А.Кальгину барабан первого яруса был двенадцативоугольным, причем четыре грани, ориентированные на север, юг, запад, (где расположены входы) и восток (с небольшой апсидой), имели большую ширину, чем остальные. Новейшие данные Р.Эдвардса делают картину менее ясной. Из его обмеров видно, что нижний барабан имел 30 или даже 31 грань. Вместе с тем ширина восточной грани по Р.Эдвардсу такая же, как и у остальных граней, что может поставить под сомнение существование малой апсиды. Не вполне ясна также относительная хронология построения внешней стены барабана и мощных пристенных пилонов. Сохранившиеся изображения свидетельствуют, что иного свода, кроме как перекинутого от внутренней стены обхода к аркаде пилонов, не было и наиболее вероятным представляется, что пилоны не являются более поздним добавлением. Открытым остается вопрос - сколько же граней охватывал деко-ративный фриз с растительными мотивами, обнаруженный на четырехгранях северо-восточной стороны, и к какой фазе строительства его следует отнести. Ни Е.Такайшвили, ни Р.Эдвардс не отмечают сколько-нибудь значительных отличий в кладке разных участков стены первого яруса и не предполагают одновременности их возведения. Возможно, что северо-восточный участок - фрагмент незавершенного храма VII века. Но внести определенность в ситуацию могут только тщательные раскопки. Еще один нерешенный вопрос - помещения первого яруса несохранившиеся северо- и юго-западного пилонов. Обращает на себя внимание, что на рисунке К.Коха и на чертежах С.Клдиашвили эти комнаты открываются в обходную галерею (в то время, как у А.Кальгина вхо-

- 43 -ды в них со стороны галереи не показаны). Поэтому они могли и не иметь маленьких апсид (рис.12 а). Судя по имеющимся данным, второй ярус храма вероятнее всего был ротондальным и, возможно, повторял очертания первого яруса. Очевидно, что А.Кальгин был прав, предлагая такое решение. Что же касается форм третьего яруса, то их воссоздание наталкивается на значительные трудности, и реконструкция верхних частей здания не может выходить за рамки гипотез. Но с достаточной долей уверенности, по моему, можно говорить о том, что никакой "верхней галереи" или "купольной площадки" в Бана не было. Представляется, что подкупольный барабан имел 16-гранную форму, причем грани с проемами чередовались с глухими. Такой прием был широко распространен в архитектуре Тао-Кларджети, о чем свидетельствуют многие памятники (например, Ишхани и Хахули имеют 16-граней с 8-ю проемами, Ошки - 24 грани с 12-ю проемами). В Бана при данных размерах купола (внешнем диаметре 10,6 м и внутреннем - 8 м) наиболее вероятны членения 16-ю гранями, в то время, как более крупный барабан Ошки имеет 24 грани, а барабаны небольших церквей 12-и-гранны. В проекте С.Мнацаканяна барабан также 12-и-гранный; при этом проемы имеются в каждой грани. Но на мой взгляд, 16-и-гранный барабан больше соответствует тетраконховой системе, тогда как 12-и-гранник - логическое завершение 6-и-конховой композиции. Однако полностью исключить возможность другого решения нельзя. От подкупольного квадрата к барабану, по всей вероятности, был применен комбинированный тропово-парусный переход. В IX-XI веках, до того времени, когда парусный свод полностью вытеснил все другие системы, такая конструкция была наиболее принята. Это подтверждают почти все памятники Тао-Кларджети. В предлагаемой реконструкции (так же, как и в реконструкции А.Кальгина и Т.Марутяна) второй ярус ротондальный, из чего с большой

вероятностью следует, что купол был не восьмигранным. Поэтому именно комбинированный тромпово-парусный переход представляется более предпочтительным. А.В.Кузнецов отмечал, что "композицию тромпа с парусом нельзя рассматривать как вырождение чистой формы тромпа, или как его рудиментарную форму. Чистая геометрическая форма тромпа присуща восьмигранному барабану, при круглом же барабане над тромпом необходим парусный переход к кольцу его" (Кузнецов 1951, 134). Что собой представляла форма самого купола, пока не совсем ясно. Возможно, она была стройной конической (либо с небольшой кривизной). Аналогичные купола получили большое распространение в Тао-Кларджети и встречаются, например, в Хахули, Ишхани и других памятниках архитектуры. Итак, мы имеем строго центричную трехъярусную ротондальную композицию, которая является дальнейшим развитием двух разных пространственных систем - Джвари и Звартноца. Но в Звартноце возможна двоякая интерпретация тектоники плана. С.Мнацаканян в своей реконструкции храма Святого Григория демонстрирует возможность как ротондального решения среднего яруса, так и тетраконхового, отдавая предпочтение последнему. В Бана же усложнение композиции продиктовало ротондальную форму среднего яруса. Если прав С.Мнацаканян, настаивая на тетраконховой композиции

- 44 - Звартноца, то собор в Бана может претендовать на звание первогона Кавказе трехъярусного ротондального храма с обходной галереей. Однако на данной стадии изучения Бана четкое выявление его места в типологии и в эволюции памятников архитектуры Кавказа представляется еще невозможным.